

Ялта: планы установления мира во всем мире

Советская штаб-квартира в Ялте была расположена в Юсуповском дворце. Из этого центра Сталин, Молотов и их генералы управляли Россией и руководили своим колоссальным фронтом, на котором происходили

в это время самые ожесточенные бои. Президенту Рузвельту был предоставлен еще более роскошный Ливадийский дворец, находившийся поблизости, и именно здесь, чтобы избавить его от физических неудобств, происходили все пленарные заседания. Это были единственные неразрушенные здания в Ялте. Мне и ведущим членам английской делегации была предоставлена большая вилла, примерно на расстоянии пяти миль отсюда, построенная в начале XIX столетия английским архитектором для русского графа Воронцова, бывшего некогда послом императора при английском дворе. Остальных членов нашей делегации разместили в двух домах отдыха, примерно в 20 минутах хода от нас, где они, включая высокопоставленных офицеров, спали по пять-шесть человек в комнате, но на это, казалось, никто не обращал внимания. Немцы эвакуировали окружающий район только за десять месяцев до нашего приезда, и все здания в округе были сильно разрушены.

Наши хозяева сделали все возможное, чтобы создать нам комфорт, и любезно принимали к сведению любое, даже случайное замечание. Однажды Портал* пришел в восторг, увидев большой стеклянный аквариум, в котором росли растения, но заметил, что там нет ни одной рыбки. Два дня спустя сюда была доставлена целая партия золотых рыбок. В другой раз кто-то случайно сказал, что в коктейле нет лимонных корочек. На следующий день в холле выросло лимонное дерево, отягощенное плодами. И все это, вероятно, приходилось доставлять издалека на самолетах.

* * *

4 февраля в 3 часа дня (на следующий день после нашего прибытия) меня посетил Сталин, и мы дружески беседовали о войне против Германии. Он был настроен оптимистически. Германии не хватало хлеба и угля; ее транспорт был серьезно разрушен. Я спросил, что сделают русские, если Гитлер переберется на юг, скажем, в Дрезден. «Мы последуем за ним», — ответил Сталин. Затем он сказал, что Одер больше не является препятствием, так как Красной Армии уже удалось захватить на противоположном берегу несколько плацдармов, а немцы используют для его обороны неподготовленное, плохо руководимое и плохо вооруженное народное ополчение. Они надеялись отозвать регулярные войска с Вислы и использовать их для обороны реки, но русские танковые части обошли их. Теперь у них имеется только мобильный или стратегический резерв из 20 или 30 плохо обученных дивизий. У них имеется несколько хороших дивизий в Дании, Норвегии, Италии и на западе, но в целом их фронт прорван, и они лишь стараются заделать дыры.

Когда я спросил Сталина, что он думает о наступлении Рундштедта против американцев, он назвал это глупым маневром, который причинил

* Главнокомандующий ВВС Англии. — *Прим. ред.*

Германии вред и был предпринят ради престижа. Военная машина Германии сломана, и такими средствами ее не исправить. Лучшие генералы потеряны; остался только Гудериан, да и тот авантюрист. Если бы германские дивизии, отрезанные в Восточной Пруссии, были своевременно выведены, их можно было бы использовать для обороны Берлина. Но немцы ведут себя глупо. У них все еще имеется 11 танковых дивизий в Будапеште, но они так и не поняли, что не являются больше мировой державой и не могут держать войска там, где им заблагорассудится. В свое время они поймут это, но тогда уже будет слишком поздно.

Затем я показал ему свою уже полностью оборудованную комнату оперативной обстановки на фронте. Охарактеризовав наше положение на западе, я попросил фельдмаршала Александера разъяснить, что происходит в Италии. Замечания Сталина были интересны. Немцы вряд ли предпримут атаку против нас. Не можем ли мы оставить на фронте несколько английских дивизий, а остальные перебросить в Югославию и Венгрию и направить их на Вену? Здесь они могли бы, присоединившись к Красной Армии, обойти с фланга немцев, которые находились южнее Альп. Он добавил, что нам, возможно, потребуются значительные силы. Ему ничего не стоило сказать это сейчас, но я не бросил ему никакого упрека.

«Красная Армия, — ответил я, — возможно, не даст нам времени закончить операцию».

* * *

В 5 часов президент, Сталин и я встретились, чтобы сделать обзор военного положения и, в частности, русского наступления на восточном фронте. Мы услышали подробный отчет о продвижении русской армии и наметили план предстоящих переговоров между начальниками наших штабов. Я заявил, что один из вопросов, которые нам следует обсудить, заключается в том, сколько времени потребуется противнику, чтобы перебросить восемь дивизий из Италии на русский фронт и какие контрдействия мы должны предпринять. Быть может, нам следует перебросить дивизии из Северной Италии, чтобы укрепить наши наступающие войска в других местах? Другой вопрос состоял в том, должны ли мы стремиться нанести удар в верхней части Адриатического моря через Люблянский перевал и соединиться с русским левым флангом.

Обстановка нашей встречи была самой сердечной. Генерал Маршалл сделал блестящий сжатый отчет об англо-американских операциях на западе. Сталин заявил, что январское наступление русских было предпринято во исполнение морального долга и совершенно независимо от решений, принятых в Тегеране. Теперь он спрашивает, чем он может помочь в дальнейшем. Я ответил, что как раз сейчас собрались вместе представители трех штабов и они могут рассмотреть весь вопрос о военной координации между союзниками.

* * *

Первое пленарное заседание конференции началось днем 5 февраля, в четверг пятого. Мы собрались в Ливадийском дворце и заняли наши места за круглым столом. Вместе с тремя переводчиками нас было 23 человека. Со Сталиным и Молотовым были Вышинский, Майский, русский посол в Лондоне Гусев и русский посол в Вашингтоне Громыко. Переводил Павлов. Американскую делегацию возглавляли президент Рузвельт и Стеттиниус. В нее входили также адмирал Леги, Бирнс, Гарриман, Гопкинс, руководитель европейского отдела в государственном департаменте Мэттьюс и специальный помощник из государственного департаменте Болен, который также переводил. Иден сидел рядом со мной. В мою группу входили Александр Кадоган, Эдуард Бриджес, наш посол в Москве Арчибалд Кларк Керр. Переводил для нас, как и всегда со времени моей первой встречи со Сталиным в Москве в 1942 году, майор Бирс.

Переговоры начались с обсуждения вопроса о будущем Германии. Я уже, конечно, обдумал эту проблему и еще месяц назад написал по этому вопросу следующую записку Идену:

Премьер-министр — министру иностранных дел

4 января 1945 года

1. Обращение с Германией после войны. Нам еще слишком рано решать эти колоссальные вопросы. Когда организованное сопротивление немцев прекратится, первая стадия будет, очевидно, стадией жестокого военного контроля. Она вполне может продлиться много месяцев или, быть может, год-два, если немецкое подпольное движение будет действовать активно.

2. Нам еще предстоит урегулировать практические вопросы раздела Германии, решить вопрос об отношении к промышленности Рура и Саара и т. д. Эти вопросы, возможно, будут затронуты на нашем предстоящем совещании, но я сомневаюсь, будет ли на нем достигнуто какое-либо окончательное решение. Никто не может сказать сейчас, каково будет положение Европы, как сложатся отношения между великими державами и каково будет настроение их народов.

Теперь Сталин спрашивал, как нужно будет расчленить Германию. Будем ли мы иметь одно или несколько правительств или же только какую-то форму администрации? Если Гитлер безоговорочно капитулирует, сохраним ли мы его правительство или откажемся иметь с ним дело? В Тегеране Рузвельт предложил разделить Германию на пять частей, и Сталин с ним согласился. Я, с другой стороны, колебался и хотел, чтобы она была разделена лишь на две части, а именно: Пруссию и Австрию — Баварию, с тем чтобы Рур и Вестфалия находились под международным

контролем. Теперь, сказал Сталин, настало время принять окончательное решение:

Я сказал, что мы все договорились о том, что Германия должна быть расчленена, но практическое осуществление ее раздела — слишком сложное дело, чтобы о нем можно было договориться за пять или шесть дней. Это потребовало бы весьма тщательного изучения исторических, этнографических и экономических факторов, а также продолжительного изучения вопроса специальным комитетом, который рассмотрел бы различные предложения и представил бы по ним рекомендации. Нужно сейчас же создать орган для изучения этих вопросов, и, прежде чем прийти к какому-то окончательному решению, мы должны иметь его доклад.

Затем я высказал предположения относительно будущего. Ясно, что если Гитлер или Гиммлер предложат безоговорочную капитуляцию, мы должны ответить, что не станем вести переговоры ни с кем из военных преступников. Если они окажутся единственными людьми, которых немцы могут предложить, мы должны продолжать войну. Более вероятно, что Гитлер и его коллеги либо будут убиты, либо исчезнут и безоговорочную капитуляцию предложат другие люди. Если это произойдет, три великие державы должны немедленно проконсультироваться и решить, есть ли смысл иметь с ними дело. Если да, то им нужно будет немедленно предложить разработанные условия капитуляции; если нет — продолжать войну и поставить всю страну под контроль строгой военной администрации.

Рузвельт предложил попросить наших министров иностранных дел разработать за сутки план изучения этого вопроса, а через месяц представить конкретный план расчленения. На этом вопрос был на время остановлен.

Обсуждались также, но не были разрешены другие вопросы. Президент спросил, следует ли предоставить французам зону оккупации в Германии. Мы решили, что это, бесспорно, следует сделать, выделив им часть английской и американской зон, и что министры иностранных дел должны подумать о том, как этот район будет управляться.

Затем по просьбе Сталина Майский изложил русский план взимания с Германии репараций и демонтажа ее военных предприятий. Я сказал, что опыт прошлой войны оказался весьма печальным и я не верю в возможность получения с Германии чего-либо похожего на ту сумму, которую, как сказал Майский, она должна выплатить одной только России. Англия также сильно пострадала. Разрушено много зданий. Мы потеряли значительную часть наших капиталовложений в других странах и столкнулись с проблемой — как увеличить наш экспорт настолько, чтобы оплачивать импорт продовольствия, от которого мы зависим. Я сомневался в том, чтобы это бремя можно было значительно облегчить с помощью германских репараций. Другие страны также пострадали, и это нужно

будет учесть. Что произойдет, если Германия будет обречена на голод? Намерены ли мы стоять сложа руки в стороне и говорить, что она этого заслужила? Или же мы собираемся кормить немцев, а если так, то кто будет платить? Сталин сказал, что эти вопросы так или иначе возникнут. А я ответил, что, если хотят, чтобы лошадь тащила телегу, ей нужно давать немного сена. В конечном счете мы договорились о том, что русское предложение будет изучено специальной комиссией, которая будет секретно работать в Москве.

Мы договорились также встретиться на следующий день и рассмотреть два вопроса, которые должны были занять главное место в наших дальнейших переговорах, а именно — разработанный в Думбартон-Оксе план обеспечения международной безопасности и вопрос о Польше.

На этом первом заседании Рузвельт сделал важнейшее заявление. Он сказал, что Соединенные Штаты примут все разумные меры, чтобы сохранить мир, но не ценой содержания большой армии в Европе на расстоянии трех тысяч миль от Соединенных Штатов. Поэтому американская оккупация ограничится только двумя годами. У меня возникли тревожные вопросы. Если американцы покинут Европу, Англия должна будет одна, без посторонней помощи, оккупировать всю западную часть Германии. Такая задача была бы нам не по силам.

Поэтому в начале нашего второго заседания, 6 февраля, я стал настаивать на том, что французы должны разделить с нами это тяжелое бремя. Предоставление Франции зоны оккупации отнюдь не решало вопроса. Германия, бесспорно, снова поднимется, и в то время, как американцы могут в любой момент уйти к себе домой, французам придется жить с ней по соседству. Сильная Франция жизненно необходима не только для Европы, но и для Англии. Только она одна может не допустить создания пусковых станций реактивных снарядов на побережье Ла-Манша и сформировать армию для сдерживания немцев.

Затем мы перешли к международной организации по поддержанию мира. Президент заявил, что в Соединенных Штатах общественное мнение имеет решающее значение. Если можно будет прийти к согласию относительно предложений, выдвинутых в Думбартон-Оксе, или подобного рода предложений, его страна, вероятно, примет активное участие в установлении мира во всем мире, ибо идея создания такой международной организации встречает в Соединенных Штатах большую поддержку. Но, как уже отмечалось в одной из предыдущих глав, конференция в Думбартон-Оксе закончилась, так и не достигнув никакого соглашения по важнейшему вопросу — о процедуре голосования в Совете Безопасности.

5 декабря 1944 года президент сделал Сталину и мне следующие новые предложения: каждый член Совета должен иметь один голос. Для принятия какого-либо решения за него должны голосовать семь членов. Этого будет достаточно для деталей процедуры. Все крупные вопросы,

такие как принятие или исключение отдельных государств из организации, подавление и улаживание конфликтов, регулирование вооружений и предоставление вооруженных сил, потребуют совпадения голосов всех постоянных членов Совета. Иными словами, Совет Безопасности фактически бессилён, если нет единогласия «большой четверки». Если Соединенные Штаты, СССР, Великобритания или Китай не согласны, тогда любая из этих стран может отказать в своей согласии и помешать Совету предпринять что-либо. Это было правом вето.

В предложениях Рузвельта содержалось еще одно уточнение. Конфликт может быть урегулирован мирными методами. В этом случае потребовалось бы семь голосов и единогласное решение всех постоянных членов, т. е. «большой четверки». Но если кто-либо из членов Совета, включая «большую четверку», участвует в конфликте, он может обсуждать решение, но не может принимать участия в голосовании. Таков был план, изложенный Стеттиниусом на этом втором заседании 6 февраля.

* * *

Сталин заявил, что изучит предложение и посмотрит, в состоянии ли он понять его, но пока оно не совсем ясно. Он опасается, что, хотя три великие державы являются в настоящее время союзниками и ни одна из них не совершит никакого акта агрессии, лет через десять или меньше три нынешних руководителя исчезнут и к власти придет новое, не обладающее опытом войны поколение, которое забудет о том, что мы испытали. «Все мы, — сказал он, — хотим обеспечить мир по крайней мере лет на пятьдесят. Величайшая опасность — это конфликт между нами самими, ибо, если мы останемся едиными, германская угроза не будет особенно серьезной. Поэтому мы должны сейчас подумать о том, как обеспечить наше единство в будущем и как гарантировать, чтобы три великие державы (а возможно, также Китай и Франция) сохранили единый фронт. Должна быть разработана какая-то система, которая предотвратила бы конфликт между главными великими державами».

Затем он выразил сожаление по поводу того, что другие дела мешали ему до сих пор изучить американский план в деталях. Как он понял, это предложение делит все конфликты на две категории — во-первых, те, которые требуют санкций, будь то экономических, политических или военных, и, во-вторых, те, которые можно урегулировать мирными средствами. Обе категории будут всесторонне обсуждены. Санкции могут быть применены лишь в случае единогласия постоянных членов Совета, и если один из этих членов Совета сам причастен к конфликту, тогда он может принять участие и в обсуждении, и в голосовании. С другой стороны, если существует конфликт, который может быть урегулирован мирным путем, тогда участвующие в нем стороны не могут голосовать. Русских, сказал он, обвинили в том, что они слишком много говорят о голосовании. Они

действительно считают это очень важным вопросом, так как все будет решаться голосованием и их будут весьма интересовать результаты. Предположим, например, что Китай, как постоянный член Совета Безопасности, потребовал бы возвращения Гонконга или что Египет потребовал бы возвращения Суэцкого канала. Он полагает, что в этом случае они не были бы одиноки и имели бы друзей, а возможно, и защитников в Ассамблее или в Совете.

Я сказал, что, как я понимаю, полномочия международной организации не могут быть применены против Англии, если она не будет убеждена и откажется согласиться.

Сталин спросил, действительно ли это так, и я заверил его, что это именно так.

Тогда Иден разъяснил, что в таком случае Китай или Египет могли бы пожаловаться, что никакое решение, предусматривающее применение силы, не могло бы быть принято без согласия правительства Его Величества, и Стеттиниус подтвердил, что никакие санкции не могут быть применены, если между постоянными членами Совета Безопасности не будет единогласия. Могут быть порекомендованы меры к мирному урегулированию, например арбитраж.

Сталин заявил, что, как он опасается, споры из-за Гонконга или Суэцкого канала могли бы нарушить единство трех великих держав.

Я ответил, что понимаю, какая опасность может возникнуть, но что международная организация ни в коей мере не нарушает нормальных дипломатических отношений между государствами — великими или малыми. Международная организация — это особая независимая организация, а ее члены будут продолжать обсуждать между собой свои дела. Было бы глупо ставить в международной организации те или иные вопросы, если они могут нарушить единство великих держав.

«Мои коллеги в Москве, — сказал Сталин, — не могут забыть того, что произошло в декабре 1939 года во время русско-финской войны, когда англичане и французы использовали против нас Лигу Наций и им удалось изолировать Советский Союз и изгнать его из Лиги, а позднее они ополчились против нас и говорили о крестовом походе против России. Не можем ли мы иметь какие-либо гарантии того, что это не повторится?»

Иден указал, что американское предложение сделает это невозможным.

«Можем ли мы создать еще больше препятствий?» — спросил Сталин.

Я сказал, что предусмотрено особое условие о единогласии великих держав.

«Мы услышали о нем сегодня впервые», — ответил он.

Я признал, что есть опасность разжигания агитации против одной из великих держав, — скажем, против англичан, — и я могу лишь сказать,

что обычная дипломатия будет одновременно играть свою роль. Я не думаю, чтобы президент начал и поддержал нападки на Англию, и я считаю бесспорным, что будет сделано все, чтобы приостановить такие нападки. Я в равной мере уверен в том, что маршал Сталин также не предпримет нападки — агитационные, конечно, — на Британскую империю, не поговорив сначала с нами и не попытавшись найти какой-то путь достижения дружественного соглашения.

«Верно», — ответил он.

Рузвельт сказал, что в будущем между великими державами, конечно, возникнут разногласия. Они будут всем известны и будут обсуждаться на Ассамблее. Но если допустить их обсуждение также в Совете, то это не будет способствовать появлению разногласий. Напротив, это покажет, какое доверие мы питаем друг к другу, а также к нашей способности улаживать такие проблемы. Это укрепит, а не ослабит наше единство.

Сталин сказал, что это правильно. Он обещал изучить этот план и продолжить его обсуждение на следующий день.

Когда мы снова встретились на следующий день, Молотов принял новый план. В Думбартон-Оксе, сказал он, русские сделали все, что могли, для сохранения единства трех держав после войны и полагали, что планы, явившиеся результатом этой конференции, обеспечат сотрудничество между всеми странами — большими и малыми. Они удовлетворены теперь новой процедурой голосования и правилом единогласия трех великих держав. Оставалось урегулировать только один вопрос. Должны ли советские республики быть членами международной организации с правом голоса в Генеральной Ассамблее? Этот вопрос обсуждался в Думбартон-Оксе, но теперь он собирается предложить кое-что другое. Советская делегация была бы удовлетворена, если бы три или по крайней мере две из советских республик стали с самого начала членами организации, а именно Украина, Белоруссия и Литва. Все они важны, все принесли большие жертвы в войне; они первыми подверглись вторжению и сильно пострадали. Доминионы Британского Содружества наций приближались к независимости постепенно и терпеливо. Это было примером для России, и поэтому они решили внести это более узкое предложение. «Мы полностью согласны, — закончил он, — с предложением президента о процедуре голосования и просим, чтобы три или по крайней мере две из наших республик были членами — учредителями международной организации».

Для всех нас это было большим облегчением, и Рузвельт быстро поздравил Молотова.

Следующая задача, сказал президент, состоит в том, чтобы пригласить все страны собраться. Когда это будет сделано и кого мы пригласим? В СССР значительные массы народа организованы в отдельные республики; в Британской империи большие независимые группы живут на большом расстоянии друг от друга; Соединенные Штаты представляют собой

единое целое, с одним министром иностранных дел и без колоний. Но есть и другие страны, такие как Бразилия, которые имеют меньшую территорию, чем Россия, но большую, чем Соединенные Штаты, и, с другой стороны, целый ряд очень маленьких государств. Можем ли мы согласиться на один голос для каждой страны или же более крупные страны должны иметь больше одного голоса в международной Ассамблее? Он предложил передать все эти вопросы на рассмотрение трех министров иностранных дел.

Я тоже поблагодарил Сталина за его важный шаг — принятие предложенной президентом процедуры голосования — и сказал, что соглашение, которого мы достигли, успокоит и удовлетворит людей во всем мире. Предложение Молотова также следует считать большим достижением. Президент Рузвельт вполне прав, сказав, что с точки зрения голосования положение Соединенных Штатов отличается от положения Британской империи. Мы имеем четыре самоуправляющихся доминиона, игравших последние 25 лет видную роль в международной организации мира, которая распалась в 1939 году. Все четыре способствовали поддержанию мира и демократическому прогрессу. Когда в 1939 году Соединенное Королевство объявило Германии войну, все они взялись за оружие, хотя знали, насколько мы были слабы. Мы не имели возможности заставить их сделать это. Они это сделали сами, по собственному почину, в вопросе, относительно которого с ними можно было консультироваться лишь частично, и мы никогда не согласились бы ни на какую систему, лишаящую их положения, которое они с полным основанием занимали в течение четверти столетия. Поэтому я не мог не выслушать предложения советского правительства с чувством глубокого понимания. Я от всего сердца сочувствовал могучей России, истекавшей кровью от нанесенных ей ран, но сметавшей тиранов, стоявших на ее пути. Я признавал, что у страны, имеющей 180 миллионов населения, естественно, возникали вопросы в отношении конституционных порядков Британского Содружества наций, благодаря которым мы имели больше одного голоса в Ассамблее, и поэтому я был рад, что президент Рузвельт дал такой ответ, который отнюдь нельзя было считать отклонением просьбы Молотова.

Однако я указал, что не могу превышать данных мне полномочий. Я хотел бы иметь время обсудить предложение Молотова с Иденом и, быть может, послать телеграмму членам кабинета. Я попросил извинить меня за то, что не могу дать окончательного ответа в этот же день. Затем мы договорились передать весь вопрос на рассмотрение наших министров иностранных дел.

* * *

Остальные детали были урегулированы очень быстро. Когда мы снова встретились днем 8 февраля, мы договорились принять в Организацию

Объединенных Наций две советские республики и провести первую конференцию международной организации в среду 25 апреля. На конференцию будут приглашены только те государства, которые объявили войну нашему общему противнику к 1 марта или уже подписали декларацию Объединенных Наций.

* * *

В этот вечер мы все вместе обедали со Сталиным в Юсуповском дворце. Речи, произносившиеся за обедом, были записаны и могут быть приведены здесь. Между прочим, я сказал:

«Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно.

Я шагаю по этому миру с большей смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру».

Сталин ответил мне лестными словами. Он сказал:

«Я провозглашаю тост за лидера Британской империи, за самого мужественного из всех премьер-министров мира, сочетающего в себе политический опыт и военное руководство, за человека, который в момент, когда вся Европа была готова пасть ниц перед Гитлером, заявил, что Англия не дрогнет и будет сражаться против Германии одна, даже без союзников. Даже если нынешние и возможные союзники покинут ее, она будет продолжать сражаться. За здоровье человека, который может родиться лишь раз в столетие и который мужественно поднял знамя Великобритании. Я сказал то, что чувствую, то, что у меня на душе, и то, в чем я уверен».

Затем я коснулся более серьезной темы:

«Я должен сказать, что еще ни разу за всю войну, даже в самые мрачные периоды, я не ощущал на себе такой большой ответственности, как сейчас на этой конференции. Теперь, по причинам, на которые указал маршал, мы понимаем, что достигли вершины холма и перед нами простирается открытая местность. Не будем преуменьшать трудности. В прошлом народы, товарищи по оружию, лет через 5—10 после войны расходились в разные стороны. Миллионы тружеников двигались таким образом по замкнутому кругу, падая в пропасть и затем снова поднимаясь

лишь благодаря своим собственным жертвам. Теперь мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир. Люди жаждут мира и радости. Соединятся ли вновь семьи? Вернется ли воин домой? Будут ли восстановлены разрушенные жилища? Увидит ли труженик свой дом? Защита своей страны — доблестное дело, но перед нами еще большие задачи. Нам предстоит претворить в жизнь мечту бедняков, чтобы они могли жить в мире, охраняемые нашей непобедимой мощью от агрессии и зла. Я возлагаю свои надежды на замечательного президента Соединенных Штатов и на маршала Сталина, в которых мы найдем поборников мира и которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнета. Я возлагаю на это надежды и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях. Мы неослабно будем поддерживать ваши усилия. Маршал говорил о будущем. Это самое главное. В противном случае океаны крови окажутся напрасными и поруганными. Я провозглашаю тост за яркий, солнечный свет победившего мира».

Сталин ответил. Я никогда не подозревал, что он может быть таким откровенным. «Я говорю, — сказал он, — как старый человек; вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным.

В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: “А почему бы мне не обмануть моего союзника?” Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны».

И затем:

«За группу деятелей, которых признают только во время войны и о чьих услугах быстро забывают после войны. Пока идет война, этих людей любят и встречают с уважением не только им подобные, но также и женщины. После войны их престиж падает, а женщины поворачиваются к ним спиной. Я поднимаю мой бокал за военных руководителей».

Он не питал никаких иллюзий относительно предстоявших нам трудностей:

«В эти дни в истории Европы произошли изменения — радикальные изменения. Во время войны хорошо иметь союз главных держав. Без такого союза выиграть войну было бы невозможно. Но союз против общего

врага — это нечто ясное и понятное. Гораздо более сложное дело — поставленный союз для обеспечения мира и сохранения плодов победы. То, что мы сражались вместе, — хорошо, но это было не так трудно; с другой стороны, то, что в эти дни здесь завершена работа, начатая в Думбартон-Оксе, и заложены юридические основы обеспечения безопасности и укрепления мира, — это большое достижение. Это поворотный пункт.

Я провозглашаю тост за успешное завершение Думбартон-Окса и за то, чтобы наш союз, рожденный в огне сражений, стал прочным и сохранился после войны; за то, чтобы наши страны не погрязли только в своих собственных делах, но помнили, что, помимо их собственных проблем, есть общее дело и что в дни мира они должны защищать дело единства с таким же энтузиазмом, как и в дни войны».

* * *

Когда мы сидели за обеденным столом в этой сердечной обстановке, Сталин говорил со мной о прошлом. Некоторые его замечания записаны.

«Финская война, — сказал он, — началась следующим образом: финская граница находилась примерно в 20 километрах от Ленинграда (он часто называл его Петербургом). Русские попросили финнов отодвинуть ее на 30 километров в обмен на территориальные уступки на севере. Финны отказали. Затем несколько русских пограничников подверглись обстрелу и были убиты финнами. Отряд пограничников сообщил об этом частям Красной Армии, которые открыли огонь по финнам. Москву запросили об инструкциях. В этих инструкциях содержался приказ дать отпор. Одно последовало за другим, и война началась. Русские не хотели войны с Финляндией.

Если бы англичане и французы послали в 1939 году в Москву миссию из людей, действительно желавших соглашения с Россией, советское правительство не подписало бы пакта с Риббентропом.

Риббентроп сказал русским в 1939 году, что англичане и американцы — только купцы и никогда не будут воевать.

Если мы — три великие державы — будем теперь держаться вместе, ни одна другая держава ничего не сможет нам сделать».